

М. М. Сафонов

Существует ли тайна Жоржа Дантеса?

В 1995 г. в Милане вышла из печати книга итальянской славистки Серены Витале «Пуговица Пушкина»¹. Вскоре она была переведена на ведущие европейские языки и быстро завоевала европейский континент². Правда, в России издавать ее не спешили. Но в 2001 г. весьма посредственный русский перевод был издан в Калининграде³, а спустя 12 лет и в Москве. Теперь книга появилась под новым названием «Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина»⁴. Появление на обложке рядом с именем Пушкина имени его убийцы можно считать явлением знаковым. Сто лет спустя после смерти Дантеса, буквально на наших глазах, случилась невероятная метаморфоза. Невольником чести, оказывается, был вовсе не Пушкин, а его убийца. Это почти невероятное сальто-мортале стало возможным после обнародования частной корреспонденции Дантеса и Геккерна за 1835–1836 гг., переписки, которую пушкинисты, не только зарубежные, но и, увы, отечественные, не сумели оценить должным образом. Только этим и можно объяснить появление у нас «Тайны Дантеса...», названия, совершенно невозможного еще каких-нибудь двадцать лет назад. В чем собственно тайна-то? Оказывается, кавалергард Жорж Дантес был безумно влюблен в Н. Н. Пушкину, а жена поэта, согласно ее собственному признанию, никого в жизни так не любила, как молодого француза, заклинала его любить ее всегда, и просила у него прощения за то, что не может ему отдать ничего, кроме своего сердца, в награду же обещала свою любовь.

¹ Vitale S. Il battone di Puškin. Milano, 1995.

² Я пользовался французским переводом этой книги: Vitale S. Le bouton de Pouchkine / Trad. de l'ital. par J. Michaut-Paterno. Paris, 1998.

³ Витале С. Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Калининград, 2001.

⁴ Витале С. Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Е. М. Емельяновой. М., 2013.

Всякий, кто хотел бы узнать, можно ли верить этой книге, должен начать читать ее с самого конца, с эпилога. Здесь рассказывается, что в семейном архиве потомков Дантеса хранится напечатанная копия письма из Москвы от некоей Мари, датированная 10 июля 1845 г. Тут же имеется скрупулезное описание марки, почтового штемпеля, размера бумаги. Мари писала: «Я убеждена, Жорж, что вы человек чести, так что я ни мгновенья не колеблюсь просить вас об одной жертве. Я выхожу замуж и хочу быть доброй и честной женой, человек, за которого я выхожу, заслуживает счастья — я умоляю вас, сожгите все письма, которые вы получили от меня, уничтожьте мой портрет. Пожертвуйте этим ради моей безопасности, моего будущего. Я прошу у вас этого во имя тех нескольких дней счастья, что я подарила вам. **Вы заставили меня задуматься о моей жизни, об истинном предназначении женщины** (выделено автором. — М. С.). Вы же не захотите уничтожить созданное вами, сделав невозможным мое возвращение к добру, — не пишите мне больше, я не должна получать от вас ни одной строчки, которую не мог бы прочесть мой муж. Будьте так счастливы, как я того желаю, всем тем счастьем, о котором я мечтала для вас, и которое судьба не позволила мне подарить вам. Теперь мы разлучены навсегда. Будьте уверены, я никогда не забуду, что **вы сделали меня лучше, что вам я обязана добрыми чувствами и благоразумными мыслями, которые были мне неведомы до встречи с вами** (выделено автором. — М. С.) <...> Еще раз прощайте, Жорж».

Имя «Мари» Серена Витале заключила в кавычки, ненавязчиво давая понять читателю, что автор этого сомнительного документа, оригинал которого «был потерян», вовсе и не Мария. К этой заключенной в кавычки фразе С. Витале делает многозначительное примечание: «Возможно, имя, которое себе придумала Натали, поскольку знала, что Булгаков, директор почтового департамента, всегда начеку». То есть исследовательница хочет сказать, что перед нами письмо Наталии Николаевны Пушкиной, написанное под псевдонимом «Мари» незадолго перед вторым замужеством с П. П. Ланским.

Правда, Н. Н. Пушкина вышла замуж 16 июля 1844 г, то есть на год раньше того времени, когда некая Мари сообщила 10 июня 1845 г. о своем предстоящем замужестве. Но и это не беда. «Жаль, что оригинал был потерян, — вышла из положения С. Витале, что называется, не моргнув глазом, — иначе мы могли бы проверить, не был ли год фактически 1844-м»⁵.

Итак, доверчивый читатель должен поверить, что перед ним неизвестное письмо Н. Н. Пушкиной. Это она пишет убийце ее первого мужа, что именно этот человек, сделавший ее вдовой, заставил ее задуматься «об истинном назначении женщины». Именно он, убийца Пушкина, сделал ее «лучше». Именно ему она «обязана добрыми чувствами и благоразумными мыслями», которые ей, жене Пушкина, были «неведомы до встречи с ним».

Не слишком ли? Русская пословица гласит: «Ври, ври, да не завирайся!» Создается впечатление, что итальянская русистка перешла и эту грань.

⁵ Витале С. Пуговица Пушкина. С. 368.

Заключительный пассаж книги очень наглядно демонстрирует приемы, с помощью которых С. Витале сконструировала свой опус. Ведь заменив «Мари» на «Натали», июль на июнь, а год 1845-й на 1844-й, можно доказать всё что угодно. Даже совершенно недоказуемое и абсолютно невозможное. Но даже не это главное. Приведенный пассаж еще ярче отражает тенденциозность книги. Поскольку автор ничуть не считает себя обязанной следовать общепринятым правилам научной критики, она чувствует себя совершенно свободной дать волю своим фантазиям. И это-то предоставляет нам возможность увидеть, что именно вопреки очевидности хочет автор внушить своему читателю. Устами «Натали» С. Витале в заключительных строках книги убеждает читателя, насколько Дантес был выше Пушкина в нравственном отношении. Что можно привести убедительнее, чем свидетельство жены поэта? Этим «текстом» Пушкин получает удар более сильный, чем на дуэли от пули Дантеса, письмом «жены» поэт оказывается сраженным наповал.

Вот в чем хочет убедить читателя автор «Пуговицы Пушкина» с помощью своих «невинных» манипуляций. Ни больше, ни меньше.

Еще раз хочется повторить русскую пословицу.

С помощью таких подмен можно рассказать любую удивительную историю, как будто бы (для доверчивого и не слишком-то взыскательного читателя) построенную на подлинных документах. Например, о том, что Дантес был в действительности переодетым в мужское платье д'Эоном, Пушкин же на самом деле являлся женщиной, у которой выросли бакенбарды, и между этими не то гермафродитами, не то трансвеститами возникла непонятная для окружающих лесбийская связь или даже Любовь, переросшая в конце концов в дикую ненависть, закончившуюся смертельным поединком. «Каково, я спрашиваю?» Правда, д'Эон умер несколько раньше описываемых событий. Но разве это важно? Ведь можно и дату смерти поменять. Для конспирации. Главное, чтобы читать было интересно. Важно рассказать это увлекательно и по возможности красиво, с детективным сюжетом, и не слишком заумно. Чтобы сопереживать, но не задумываться о том, насколько всё это доказательно. Ведь любителей Love Story большинство среди читающего контингента. Особенно среди читательниц, которые, пройдя через душещипательные коллизии вместе с героями опуса, не потребуют никаких доказательств того, что эти литературные персонажи соответствуют их историческим прототипам.

«Пуговица Пушкина» — это история любви кавалергарда, француза, бесшабашного красавца и первой петербургской красавицы, жены какого-то русского поэта. Муж красавицы, стихотворец, какой-то там Пушкин А. С., в этой истории фигура второстепенная. Персонаж заднего плана, фигура далеко не симпатичная, скорее трагикомическая, а вернее сказать, почти комическая. Он, отчасти по собственной вине, становится жертвой столкновения бурлящих в этой книге страстей, но не вызывает даже и малейшего сочувствия. «Пусть проигравший плачет». Таковы законы жанра. Если бы читатель проникся хоть

долей симпатии, то это набросило бы тень на образ его убийцы. Рыцаря без страха и упрёка. Поэтому никакого сочувствия убитый не должен вызывать. Всеми правдами и неправдами исследовательница должна представить Пушкина в малопривлекательном виде, поставить его ниже Дантеса. Разумеется, на той шкале ценностей, где превыше всех других ставится делающая человека безумным Любовь, в той системе координат, в которой существуют герои этого «документального» исследования.

«Пуговица Пушкина» — это история великой любви. Любви безумной. Чуть не доведшей бонвивана до умопомешательства, но кончившейся смертью всего лишь Пушкина. Истинное величие человеку дает любовь. Дантес велик, потому что влюблен. Пушкин же лишь погибает под колесами этой любви.

Кто же виноват в том, что так получилось? Прежде всего сам Пушкин. Виновата и его жена — поджигательница. «Allumeuse». Это она довела молодого безумно влюбленного француза до крайности. Не надо было ей поощрять ухаживания, завлекать, разжигать его страсть, но не дать достичь того, к чему он так стремился. Поджигательница, одним словом. Да еще какая! Опытная! Очень опытная. Ведь, чего греха таить, этот французский юнец, влюбившейся в кокетку, стал ее жертвой. Она накормила его селедкой, а пить не дала. Не дала! В этом-то всё дело. Дантес — жертва. Но какая жертва? — вызывающая симпатии и даже в некотором роде восхищение. Что он убил на дуэли мужа красавицы, надо ли осуждать? Он ведь действовал в силу безумной страсти, спровоцированной красавицей. Его ли надо в этом винить? Да и так ли уж важно, кто был мужем этой кокетки?

Дантес вел себя более чем благородно, рыцарски, прежде всего заботился о репутации возлюбленной (кстати сказать, в отличие от мужа, который, вызывая кавалергарда на дуэль, ставил под удар прежде всего репутацию своей супруги, выходит, не защищал ее честь, а наоборот, своим нелогичным поступком опорочивал ее), думал о ее чести, а потом просто потерял голову. Русские так несправедливо писали о нем, что этот француз приехал в Россию «на ловлю счастья и чинов». Он был не такой. Готов был поставить на карту карьеру, пожертвовать жизненным успехом, который только что пришел к нему в этой «варварской и дикой стране». Да что там карьера, жизненный успех. Он был готов расстаться даже с самой жизнью. Так сильно полюбил!

Всё это о гомосексуалисте Дантесе! О его любви. К кому? Оказывается, к женщине! Так, наверное, любил Пушкину, что ради счастья с ней делил ложе с Геккерном без всякой тени сомнения. Ему он тоже говорил, что любит его! Но не так, как ее. Гораздо сильнее! Утверждал, что любовь к Ней пройдет. А вот к Нему останется. Навсегда! Действительно, великая Любовь. Есть над чем призадуматься. Особенно тем, кто еще не почувствовал себя одураченным. Окончательно.

А Пушкин?

Таким, каким его нарисовало желчно-язвительное перо С. Витале, мы его еще не видели. Трудно поверить, чтобы С. Витале когда-либо восхищалась поэзией Пушкина или хотя бы попыталась его понять. Как поверить в то, что ее

интересовал внутренний мир этого человека, его мир творческий? Создается впечатление, что, получив от семейства Дантесов-Геккернов переписку Геккер-на с Дантесом, она навсегда связала себя обязательством представить убийцу поэта романтическим героем. Человеком, который ради великой любви к женщине был готов на всё, в том числе и на богоубийство. Впрочем, под пером С. Витале это не главная черта его биографии, а какая-то второстепенная, мало-важная деталь, мелкая подробность. Ее вполне заслоняет и искупает одновременно другое. Во имя великой любви этот человек решился на всё. Этим и интересен сегодня.

А разве любителям Love Story нужно что-либо иное?

Но как возвысить Дантеса, не унижая Пушкина? Это невозможно. Вот Пушкин и предстает необузданным варваром, одержимым африканскими страстями, человеком не только с южным темпераментом (это мы уже не раз слышали из уст Геккер-на в феврале 1837 г., когда он пытался оправдаться перед русским обществом, особенно перед правительством), но и brutальным самодуром, воспитанным на нравах крепостного гарема XVIII в., прикидывавшимся моралистом, но на самом деле соблазвившим свояченицу. Оказывается, еще и ханжа. Впрочем, мы это уже тоже слышали из уст Геккер-нов зимой 1837 г.

Да разве такого человека можно сравнивать с героической личностью Дантеса? Это и не нужно. И так всё предельно ясно.

Подлинный герой романа-исследования С. Витале — Дантес. Это всё о нем. Не о том, как он лишил Россию ее национального гения. А о том, как он любил и страдал. Как мучился. Пушкин в качестве самостоятельного персонажа появляется лишь на 117-й странице. Появляется на сцене как муж Натали. Любовный треугольник представлен в книге довольно оригинально. Что может быть более избитым и тривиальным, чем пресловутый треугольник. Влюбленный кавалергард, ревнивый муж-поэт и «Allumeuse». Но не тут-то было. С. Витале не была бы С. Витале, если бы так скучно, как бы по трафарету, обыденно описала всё, что случилось в этом треугольнике. Нет. С. Витале не так проста. Она человек с выдумкой. И проторенными дорогами не ходит. Отлично понимает, что на них читательского успеха не добиться. Для него надобно что-нибудь этакое. Можно подумать, что романистка, нисколько не греша против истины, покажет: треугольник-то он треугольник, да вот если внимательно присмотреться, на поверку оказывается четырехугольником. К традиционной тройке — влюбленный, муж, возлюбленная — следует прибавить еще одну фигуру: гомосексуалиста, приемного «отца», влюбленного. И тогда вместо мучений неразделенной любви кавалергарда к красавице придется описывать терзания совсем иного рода. Мучения человека, вынужденного отдавать свое тело «хозяину» и притворяться любящим своего партнера-«отца», а в то же время умирать от любви к женщине. С. Витале, конечно же, по такому пути не пошла. И это очень ярко характеризует ее работу на предмет достоверности. Такого рода «самопожертвование» едва ли украсило бы портрет Дантеса, а вот пред-

ставить его в ином, не слишком-то романтическом свете, еще как и могло. Иначе пришлось бы спустить с романтических высот, неведомых даже Пушкину, на которые вознесло Дантеса далеко не беспристрастное перо С. Витале, растопить возвышенный образ в грубой прозе жизни, в которой надо еще и есть, и спать, и одеваться. С. Витале, наверное, близок и понятен внутренний мир Дантеса и его система ценностей, она не хуже своего героя осознает: что хорошо покупается, то надо продавать, не осложняя себе жизнь всякими там вопросами. Именно так она и поступает: никакого «романа» Дантеса и Геккерна в ее книге нет. Два «романа» совсем и не нужно. Ведь один уничтожает другой, или, по крайней мере, подрывает веру в его достоверность. А раз так, то и не будем этого касаться, сделаем вид, что этого и вовсе не было.

Но без изюминки нельзя. Вот и изюминка. Очень оригинальная. Пушкин, оказывается, поставил убийственный эксперимент. Нечто вроде салто-мортале под куполом. Эксперимент о соотношении литературы с реальной жизнью. Другими словами, относительно того, насколько литературные образцы, созданные его творческим воображением, могут пройти проверку обыденной повседневностью, т. е. могут ли идеальные образцы человеческого поведения, описанные в его произведениях, существовать в реальной жизни.

Эксперимент этот окончился полным крахом Пушкина и как писателя, и как человека. Причем «палачом» поэта выступила не кто иная как его собственная жена. Своим поведением, разумеется, в жизни реальной, повседневной, а значит, настоящей, она самым убийственным образом опровергла всё то, что создало и пыталось представить на литературных страницах как нравственный императив писательское воображение Пушкина.

Наталья Николаевна вначале ведет себя как Татьяна Ларина — женский идеал Пушкина. Образцы своего поведения она черпает из литературных канонов, созданных ее мужем, из «Евгения Онегина». Когда Дантес признается ей в любви и стремится добиться взаимности, она отвечает ему почти что устами пушкинской героини: но другому отдана, будет ему всегда верна. Пушкин на этом обрывает свой роман, оставляя читателя гадать, что будет дальше. Но жизнь дописывает неоконченное произведение. И совсем не так, как бы хотелось писателю. Катастрофически не так. Татьяна-Наталья повела себя иначе, чем героиня «Онегина». Дантес, не смущенный отказом, продолжает свои попытки добиться любви Пушкиной. (Впрочем, не совсем так, любви он уже добился, если верить его словам, Наталья Николаевна в этом ему призналась, но он хочет большего.) А Пушкина, как поступает она? Совсем не так, как должна была бы поступить пушкинская героиня, оставаясь всё той же Татьяной Лариной. Она кокетничает, завлекает, разжигает кавалергарда и делает это так искусно, что доводит его до той черты, когда человек перестает отдавать отчет в своих поступках.

Пушкину хочется, чтобы его жена, как и любимая героиня, отданная старому мужу, осталась верна супругу несмотря не на что. Долг побеждает любовь. Однако литература это одно, а жизнь — совсем другое. Это сама жизнь

и опровергает то, что Пушкин пытался представить в литературе. Получается: «Всё, о чем писал поэт, это — бред». Пушкин как писатель был не только опровергнут, он был почти что полностью уничтожен самым жестоким и убедительным образом. И кем? Собственной женой!

Реальная жизнь разбила его выдуманные представления о бытии, разрушила его семью, изничтожила и его самого как личность. Национальный гений, которым гордились и всё еще продолжают пока гордиться русские, превратился в жалкого персонажа «Декамерона» Бокаччио и бесславно погиб. Именно бесславно. Погиб потому, что его жизненные и авторские позиции были опровергнуты. Опровергнуты бесповоротно. Ему только и оставалось, что беситься, исходить бешеной ненавистью и, наконец, погибнуть.

Можно ли в этом винить Дантеса? Да вы что! Никогда и ни за что! Он вел себя как истинное комильфо. Не то что этот русский африканец. Не хватает только авторской ремарки в виде итогового заключения: «И поделом ему. Сам ведь виноват».

Получается, что сочинение С. Витале не только о любви. Это еще и книга о творчестве. Именно в этой области происходит поражение Пушкина. Это и есть жизненный крах! Так Пушкина не унижал еще никто. Хотя завистников и недоброжелателей, желающих самоутвердиться таким образом, всегда было хоть отбавляй. Наверное, здесь нечто другое. Но какое отношение имеет книга С. Витале к реальной действительности?

Ровным счетом никакого. Впрочем, не совсем так. Реальная действительность подтверждает: когда человек имеет свой «собственный интерес», и жизнь гения, и подлинная биография его, всё готово пойти прахом, если этот интерес, что называется, большой...

Понятно, сюжетный стержень книги — описание любви Жоржа к прекрасной Натали. Интерес публики к сочинению итальянской исследовательницы прежде всего вызван тем, что она обогатила пушкиноведение целым комплексом архивных источников, ранее ученым недоступных — корреспонденцией Дантеса и Геккерна, хранившейся в личном архиве их потомков. Споры нет, обнародование этой переписки — важный шаг в исследовании причин гибели Пушкина. Документы позволяют этот шаг сделать. До сих пор были известны фрагменты двух писем Дантеса, опубликованные французским писателем А. Труайя⁶. Но фрагменты, как бы они ни были важны сами по себе, только фрагменты и без целого их довольно трудно правильно понять и оценить. Некоторые советские исследователи даже ставили их подлинность под сомнение⁷. Теперь же стали известны 29 писем Дантеса, целый эпистолярный комплекс. И именно благодаря обильным цитатам из текстов писем, сокрытых в семейном архиве потомков Дантеса, книга С. Витале привлекла к себе всеобщее внимание. Правда, после

⁶ *Troyat H. Pouchkine*. [Paris], 1946. Vol. I–II. P. 706–707; *Труайя А.* Пушкин. М., 2004. С. 893–894, 896–898; Звенья. М–Л., 1951. Т. 9. С. 173–176.

⁷ *Ободовская И.М., Дементьев М.А.* Вокруг Пушкина. М., 1975. С. 149.

того как вся эта корреспонденция была опубликована на французском и русском языках с обстоятельными комментариями в отдельной книге С. Витале совместно с В. П. Старком⁸, «Пуговица Пушкина» утратила в глазах серьезных исследователей прежнюю притягательность первоисточника, ибо собственно аналитическая часть этого сочинения довольно посредственна. Если отбросить беллетристические пассажи, которые исследователь не может читать без раздражения, трудно отделаться от мысли, что все эти словесные конструкции призваны прикрыть, что в научном плане король-то голый. А книгу надо довести до определенного объема, чтобы она выглядела не как легковесное сочинение, а как увесистый солидный том.

В этой связи характерно витиеватое заявление С. Витале: «В этой истории я не могу быть ни всеведущим рассказчиком, ни терпеливым хранителем музейных экспонатов, внимательно изучающим мозаику, составленную из мелких кусочков, и анализирующим немногие сохранившиеся документы... чтобы воссоздать все детали и оттенки картины, давно пожелтевшей от времени». Но ведь по сути дела этим-то и должен заняться серьезный исследователь. Однако это намного труднее, чем писать документальный роман. В решении сложных проблем С. Витале отделяется выражениями типа: «Урок поэзии. Урок тайны. Урок для посвященных».

Хорошо же исследование! С чего начали, тем и закончили. Вот как, например, автор бестселлера объясняет отказ Пушкина послать вызов Геккерну 21 ноября 1836 г.: «Самое существование — первородный грех, который грызет совесть поэтов, сведущих в легкости и чистоте бытия. И теперь он почувствовал новое сожаление, поскольку понял, что с “почти сверхъестественной, и всё же как бы реальной, силой он стал безрассудно увлечен смертью”. Он познал эту почти осязаемую силу, был захвачен ею, но якорь его рассудка крепко удерживал его на земле. Отягощенный этим тяжким бременем, он был вынужден задержаться в этом мире — так заманивают в ловушку сбившихся с пути херувимов, и крылья их опутывает ежевика при тайном посещении человеческих долин. И в течение всего времени, которого требует жизнь, самый беспощадный из кредиторов, он чувствовал таинственный аромат, доносящийся до него, аромат, который он обнаруживал во многом, что он сделал, сказал и написал: горький аромат, отталкивающий и опьяняющий одновременно, как наркотик».

Всё это, увы, иногда граничит со словоблудием, призванным прикрыть исследовательскую бесплодность и заменяющим сложный анализ, требующий знания всего комплекса исследовательской литературы и незаурядной интуиции.

Читателям далеким от научных кругов, возможно, такие пассажи придется по вкусу, но исследователю гибели Пушкина трудно удержаться от саркастической улыбки. К сожалению, исследовательница сделала вид (а это, конечно же,

⁸ *Старк В. П.* Письма Жоржа Дантеса барону Геккерну // Звезда. 1995. № 9. С. 169–191; Черная речка: До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000.

не недосмотр, а сознательный исследовательский прием), что для читателя не так уж важно то, что один гомосексуалист описывает другому свою неразделенную любовь к замужней женщине. Конечно же, С. Витале не скрывает, что речь идет о переписке двух гомосексуалистов, но она намеренно не акцентирует внимания на этом. А почему? Да потому, что возвышенная любовь Дантеса сразу же окажется заключенной в совсем другие координаты, иные житейские рамки, и тотчас же утратит свой романтический флер.

С. Витале априори считает, что Дантес был искренний и правдивый малый и поэтому всё, что он сообщает (точнее говоря, находит нужным сообщить) Геккерну — есть не что иное как сама искренность. Вот тут-то С. Витале и дает маху более, чем где-либо. Достаточно выписать признания Дантеса в любви к Геккерну или просто «поражающие неподдельной искренностью» любовные излияния, адресованные сестре Натальи Николаевны Пушкиной Екатерине Гончаровой, чтобы усомниться в этом. Невольно возникает вопрос, кого же на самом деле любил Жорж Дантес? Геккерна, или Наталью Николаевну, или Екатерину Гончарову, а может быть все-таки только самого себя? Очень сильно любил.

Не случайно С. Витале старается по возможности обойти вопрос об отношениях с Геккерном. Действия нидерландского дипломата исследовательница пытается представить как шаги заботливого отца. Доходит до смешного, когда она, сравнивая заботы В. А. Жуковского по предотвращению дуэли с хлопотами Геккерна о том же, называет и того и другого «крестными отцами». Не слишком ли? Неужели и Жуковский «усыновлял» Пушкина?

Если бы С. Витале описала беспристрастно «роман» Дантеса с Геккерном, то образ Жоржа сильно бы потускнел. Чтобы тогда осталось от его возвышенной, почти сумасшедшей любви к Натали? «Роман» кавалергарда предстал бы как жуткая раздвоенность между истинной любовью к женщине и необходимостью ради карьерных соображений отдаваться стареющему гомосексуалисту-«отцу». Если же такой раздвоенности в действительности не было (стало быть, и описывать нечего), что же тогда представлял собой «романтический» Жорж? Всё то, что С. Витале написала о безумной любви Дантеса к Натали, беспристрастный исследователь обнаружит и в отношениях Геккерна к своему приемному «сыну». Это голландец был готов потерять голову, чтобы удержать возле себя «прекрасного Жоржа». Это дипломат мог решиться на безумные поступки ради своей «отцовской любви». И в этом «заслуга» Жоржа. Не его природных данных, а тщательно продуманного поведения, тут тоже были ловушки, завлечения и тот, кто был поджигателем, и тот, кто готов был сгореть. И это важнейшая черта, мимо которой не должен был пройти исследователь трагических событий 1837 г.

С. Витале умышленно уклонилась от этих вопросов. Это вполне закономерно. Ведь в создании образа «прекрасного Жоржа» она была вынуждена идти по пути умышленных умолчаний. Не упомянуто о том, что для «усыновления» Дантеса Геккерну пришлось пойти на подлог. «Забывает» С. Витале сказать о том, что Дантес с Геккерном умоляли Натали написать кавалергарду письмо

с просьбой не драться на дуэли с Пушкиным и т. д. Когда Дантес выступает, мягко говоря, не очень выигршно, всегда это объясняется действиями «папаши».

С. Витале совершенно права, когда пишет о том, что на публике Дантес один, а в письмах совсем другой. Это очень важное наблюдение. Но почему-то С. Витале не задалась вопросом, какой же из этих двух Жоржей «настоящий». Думается, тот, который на публике ведет себя одним образом, а в переписке с человеком, от которого надеется получить титул, фамилию и состояние, представляется совсем другим, таким, каким следует изобразить себя, чтобы успешно достичь поставленной цели. Несомненно, С. Витале не пошла по этому пути умышленно. Он привел бы ее совсем к иным результатам, не тем, каких она хотела добиться. Поэтому «другой» Жорж под ее пером — это тот Дантес, который несравненно лучше кавалергарда, которого привыкли видеть в свете.

Внимательный читатель сразу же сделает вывод: «Да этот Дантес совсем не так прост, каким его хочет представить С. Витале». И будет прав, когда отдаст должное французу. Несомненно, он даже талантлив. По-своему. Как карьерист.

Чрезвычайно важно для характеристики Дантеса его письмо к Геккерну, написанное после встречи с Натали у Вяземских (дата, к сожалению, отсутствует)⁹. Ни С. Витале, да, впрочем, и ни один из пушкинистов, не оценили этого документа по достоинству. Исследователи видели в этом письме лишь изложение некоторых ключевых деталей дуэльной истории. А ведь оно служит ключом к пониманию прежде всего личности самого Дантеса. А владея таким ключом, нетрудно прочесть и всю переписку Дантеса с Геккерном. Надо только ни на минуту не забывать того, что Геккерну «искренно» пишет человек, тщательнейшим образом продумывающий, какой эффект произведет то или иное его сообщение, тот или иной оборот. Автор этих эпистол виртуозно владеет навыком перетолковывать тот или иной факт, изобретать его, добиваться нужного впечатления и достигать цели.

Учитывая всё это, исследователь не может не заметить, что тема любви к Пушкиной появляется в переписке именно в тот момент, когда вопрос об «усыновлении» Дантеса наталкивается на непреодолимые препятствия в Голландии. Дантесу очень важно, чтобы Геккерн не отступил перед ними. Важно и то, чтобы по-своему любвеобильный отец отправился в Париж и в Италию и, несомненно, предавшись там всем «гастрономическим лакомствам» гомосексуальной французской кухни, не нашел там себе того, кто мог бы вполне заменить Жоржа. Поэтому для Дантеса было очень важно дать Геккерну понять, что он может и потерять своего несостоявшегося «сына». Разве может ускользнуть от глаза исследователя то, как Дантес описывает свой «роман» с Пушкиной. Он мучается «великой любовью», но не изменяет «отцу». Он имеет столько возможностей добиться своего. Но, нет, «ничего, всегда ничего». Геккерн, конечно же, не знает, что эта замужняя «дама» на седьмом месяце, и Дантес ставит себе в заслугу то, что не вступил в связь с женщиной, которая, что называется, на сносях. Но, «увы, увы».

⁹ Черная речка: До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. С. 153–157.

А Александр Сергеевич? О нем говорится только, что он бешено ревнив.

К сожалению, в трактовке дуэльной истории С. Витале не оригинальна. Она опирается на работы советских пушкинистов, перетасовывая добытые ими факты таким образом, чтобы выстроить миф о великой любви, которую пытался разрушить муж-ревнивец. Выстраивая этот миф, С. Витале отбрасывает всё, что ему противоречит и передергивает данные источников, чтобы сделать Дантеса и здесь рыцарем без страха и упрека. При этом она прибегает к такому приему. Вначале рассказывает ноябрьскую дуэльную историю, в которой поведение Пушкина выглядит немотивированным, а потом только пытается воссоздать всё, что ей предшествует. В итоге получается, что Пушкин, который живет со свояченицей Александриной, но строит из себя моралиста, в бессильной ярости готов для удовлетворения своего бешенства принести в жертву репутацию жены. Тогда как Дантес идет на уступки Пушкину для того, чтобы эту самую честь Натали спасти. Ловко, правда?

Да не очень, потому что шито белыми нитками.

После того как такой важный вывод сделан и акценты расставлены, С. Витале пытается воссоздать то, что предшествовало вызову Пушкина. Оказывается, Наталья Николаевна дважды отвергала Дантеса! Это как-то плохо вяжется с тем, что она была «поджигательница» и провоцировала его. Довольно любопытные мотивировки отказов придумывает С. Витале: это произошло «из ревности». Натали не могла спокойно наблюдать за притворными ухаживаниями Дантеса за ее сестрой Екатериной. Не могла Пушкина и равнодушно смотреть, как Дантес ухаживал за М. Барятинской. (Самое ухаживание Дантеса за юной Барятинской, богатой невестой, способной составить выгодную партию, подается как стремление поиграть на нервах Натали.) Выясняется, что Дантес обманом заманил Пушкину к И. Полетике, уговаривал ее вначале устно, а потом и письменно бросить мужа и бежать с ним за границу. А как же карьера, ради которой он приехал в Россию? Вопрос может показаться нелепым. Любовь была так сильна, что он был готов бросить всё ради Натали! Вот до чего довела бедного французского мальчика «поджигательница»! И так далее.

Какова же была оборотная сторона этой «тайны Дантеса»? Что же не увидела, или вернее сказать, не захотела увидеть Серена Витале?

Посланник Королевства Нидерланды в Петербурге Якоб дер Анна Борхард ванн Беверверд Геккерн, был человеком состоятельным и любил красивые вещи. Он представлял собой тип антиквара-любителя. Его состояние, несмотря на постоянные причитания о своей бедности, позволяло приобретать то, что ему нравилось. Вот как характеризовал Геккерна барон Ф.Ф. Торнау, военный агент в Вене: «Геккерн, несмотря на свою известную бережливость, умел себя показать, когда требовалось сладко накормить нужного человека. В одном следует ему отдать справедливость: он был хороший знаток в картинах, древностях, много тратил на покупку их, менял, перепродавал и всегда добивался овладеть какою-нибудь редкостью, которую потом любил дразнить других, зна-

комых ему собирателей старинных вещей. Квартира его была наполнена образцами старинного изделия».

Кто покупает, а кто и продается. Покупает потому, что находятся желающие продать.

Вот письмо отца Жозефа Конрада Дантеса, адресованное голландскому посланнику: «У меня шестеро детей; старшая дочь замужем, но вследствие июльской революции муж ее оказался в таком положении, что не может содержать жену, и мне приходится поддерживать обоих. Они живут у меня. Второй сын оканчивает учение в Страсбурге, а младшая дочь живет в пансионе, часто обходится мне весьма дорого. Я был вынужден приютить у себя сестру с детьми; вследствие той же революции она осталась совсем без средств, овдовев после смерти мужа, графа Бель-Иль, не оставившего ей ничего, кроме долгов; Карл X выдавал ей пенсию из собственных средств в размере 6000 франков, которой она лишилась. У нее пять человек детей. Мое состояние заключается в ренте от 18 до 20 000 франков, обремененной разными повинностями. Сын прислал мне счет, согласно которому просит высылать ему ежемесячно от 800 до 900 франков, но я не в состоянии давать ему такой суммы. Кроме экипировки, которую я беру на себя всецело, я рассчитываю посылать ему 200 франков в месяц, что составит 100 лудиров, или 2400 франков в год; вместе с жалованием при условии бережливости этого ему должно хватать, ибо это составляет тройную сумму против того, что он получал бы, служа во Франции. Это научит его беречь деньги, ибо единственный недостаток, который я знаю за моим сыном, это его расточительность. Если ваше превосходительство найдет, однако, что этой суммы ему мало, я постараюсь в течение некоторого времени принести несколько большую жертву, но я не смогу выдержать этого долго»¹⁰.

Посланник давно уже привлек к себе внимание таможенных чиновников. Он слишком часто злоупотреблял привилегиями, которые ему предоставлял его дипломатический статус: выписывать вещи из-за границы, не уплачивая торговой пошлины¹¹. Департамент внешней торговли был даже вынужден сделать Министерству иностранных дел особое представление о том, что, что к этому человеку слишком часто доставляют «значительные партии вещей» от редких вин до мебели. Дипломат ими и приторговывал, превратив свою привилегию в доходный промысел. Но не склонность к барышничеству была его главной страстью. В петербургском свете посланника прозвали «Нестором развратной молодежи»¹². «Он окружил себя молодыми людьми самого наглого разврата». Среди них оказался и Жорж Дантес, перебивавшийся, что называется «с хлеба на воду».

Казалось, Дантес должен был стать легкой «покупкой» Геккерна. Посланник был готов расплатиться с понравившимся ему юношей всем своим состоянием.

¹⁰ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999. С. 306–307.

¹¹ Ободовская И. М., Деметьев М. А. После смерти Пушкина. М., 1980. С. 273.

¹² Никольский Б. Н. Последняя дуэль Пушкина. СПб., 1901. С. 17.

Коммерческая сделка была лишь вопросом времени. Но для того, чтобы Дантес мог переехать в дом посланника и соблюсти при этом светские приличия, необходимо было получить официальный статус его родственника. Геккерн предложил французу свое имя, титул и герб. Но чтобы Дантес мог получить их, требовалось соблюсти ряд официальных формальностей, выполнить которые было почти невозможно.

В мае 1835 г. Я. Геккерн покинул российскую столицу и отправился за границу. Официально дипломат ехал лечиться. Но настоящая причина заграничного вояжа заключалась в том, чтобы всеми доступными ему средствами легализовать совместное проживание в его доме нидерландского посланника кавалергардского поручика Дантеса. Барон намеривался привязать юношу к себе навсегда. Приобрести фамилию, титул и состояние Геккерна было вершиной желаний небогатого француза, жившего на подачки родного отца и вынужденного пользоваться денежным вспоможением, которое назначила ему императрица Александра Федоровна. Самый простой путь заключался в официальном усыновлении. Но для законного усыновления существовал целый ряд непреодолимых препятствий.

В Нидерландах в это время действовал французский гражданский кодекс. Согласно ему, усыновлять можно было только родственников. Усыновляемый должен был быть несовершеннолетним и проживать в доме усыновителя не менее 6 лет. Усыновителю должно было быть не менее 50 лет. Геккерн и Дантес не являлись родственниками. Отец юноши еще здравствовал. Геккерну не было еще 43 лет, а Дантесу шел уже 25-й год, и он не жил в доме усыновителя. Если отец Жоржа и его семейство вряд ли могли препятствовать планам барона, сулившим им несомненную материальную выгоду, то этого никак нельзя было ожидать от многочисленных родственников Геккерна, для которых замысел барона мог обернуться имущественными потерями. Усыновлять же не родственника, да еще при живом отце было задачей почти неразрешимой.

В конце 1835 г. выяснилось, что в деле усыновления возникли определенные трудности. Король Нидерландов Вильгельм I не хотел отступать от существующего законодательства об усыновлении. Узнав об этом из письма Геккерна, Дантес сделал вид, что обрадовался такому королевскому решению. Но тут же был вынужден проявить прежнюю настойчивость: «Как король отказал бы тебе в единственной милости, о которой ты его когда-либо просил! Это невозможно, да я и не думаю, чтоб он мог категорически воспротивиться, с его стороны это просто демарш, может быть, чтобы показалось, что ему неприятно, когда ты распоряжаешься своим именем в пользу иностранца; я все-таки вполне уверен, что скоро ты получишь письмо, которое осчастливит нас обоих», — писал Жорж 28 декабря 1835 г. Геккерн, не веря в искренность Дантеса, писал ему, что он, наверное, рад отказу короля и даже осчастливлен таким исходом. Жорж был вынужден разубеждать благодетеля и убеждать его в том, что «совершенно сжился с мыслью носить твое имя и был бы в отчаянии, если бы пришлось от него отказаться».

Дантес не мог не понимать, что даже в случае благополучного исхода хлопот Геккерна, права, на которые он претендовал, сможет получить только через 7 лет. За это время многое могло произойти, поэтому было совершенно необходимо убедить Геккерна не опускать руки в случае неудачи и побудить «отца» искать иные пути к заветной цели. Лучшим средством для этого было бы создать у Геккерна иллюзию того, что, не будь он достаточно упорен в своих устремлениях, в скором времени может потерять «beaux Georges». Примечательно, что именно с этого времени тональность писем Дантеса заметно меняется. Он очень вовремя начинает изливать свои «чувства». Ранее, скорее для проформы, Дантес писал о своей привязанности к Геккерну, говорил, что любит «всей душой» и целует так же крепко, как любит, т. е. «очень крепко», но при этом пытался отклонить его предложение перейти на «ты», потому что такое панибратство, непонятое обществом, могло повредить его карьере. Холодность Дантеса очень огорчала Геккерна, и дипломат даже упрекал его: «Всё, что он пишет, только фразы». В начале же 1836 г. возникла необходимость побудить Геккерна действовать в деле усыновления с необыкновенной настойчивостью, и в письмах Дантеса появляются страстные признания в любви.

6 января, когда Геккерн был уже во Франции, Дантес, наконец, объяснился с потенциальным приемным отцом «начистоту»: «Однако будь вполне уверен, мне никогда не потребовался бы королевский приказ, чтобы не расставаться с тобою и посвятить всё мое существование тебе — всему, что есть в мире доброго и что я люблю более всего, да, более всего, теперь я вполне могу это написать, раз ты в Париже... Однако нежность — чувство, столь неотрывно сопутствующее благодарности, что я люблю тебя более, чем всех своих родственников вместе, не могу долее откладывать это признание. Может быть, нехорошо испытывать подобные чувства, что поделаешь, никогда не умел я владеть собою, даже в самых обычных видах, как же ты хочешь, чтобы я устоял перед желанием дать тебе прочесть всю глубину своего сердца, где нет и никогда не будет ничего тайного от тебя, даже того, что дурно...»

Дантеса беспокоило, что Геккерн находился в тот момент во французской столице. В этом он видел непосредственную угрозу, потому что голландец имел возможность вкушать там все лакомства запретного плода. «Поздравляю, — писал Жорж, — что ты, наконец, в Париже, и уверен, что это пойдет тебе во благо. Если только не станешь часто ездить в салоны для иностранцев, где для людей нервных слишком плохой климат, а я думаю, что ты из их числа». 20 января 1836 г. Дантес сообщил покровителю: «Но самое скверное, что я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть...». «Но всего ужаснее в моем положении то, — писал Жорж, — что она тоже любит меня, и мы не можем видаться до сих пор».

То, что Жорж безумно влюблен, было бы еще полбеды. Но настоящая беда для Геккерна должна была состоять в том, что не только его подопечный влюблен, но и он также любим «самым прекрасным существом Петербурга»,

т. е. Н. Н. Пушкиной! У Геккерна это должно было вызвать приступ ревности. Можно не сомневаться, что Дантес знал заранее, каков будет совет его покровителя, но делает вид, что ему это еще неизвестно. Конечно, француз прекрасно сознавал, что эффект будет сильнее, если окажется, что и женщина также любит его. Это должно подстегнуть ревность голландца. И вот Дантес сочинил историю об объяснении с любимой. 14 февраля он сообщил Геккерну: «Когда я ее видел в последний раз, у нас было объяснение».

Сочиняя, как Пушкина признавалась, что никого никогда так не любила, как его, Дантес ни на минуту не забывал, что Геккерн все еще во французской столице, где много соблазнов. «Коли ты в Париже, — писал он Геккерну, — ты легко можешь найти себе развлечение — от полишинеля на бульварах до министров палат». Более того, Жорж не остановился перед тем, чтобы выстроить некую систему иерархии, из тех, кого он любит. Оказывается, в этой системе Натали Пушкиной в перспективе отводиться отнюдь не первое место.

«Однако не ревнуй, — писал Жорж, — мой драгоценный: ты-то останешься навсегда, что же до нее — время окажет свое действие и ее изменит, так что часто не будет мне напоминать ту, кого я так любил. Ну, а к тебе, мой драгоценный, меня привязывает каждый новый день всё сильнее». Дантес уверен, что со временем забудет эту женщину, но Геккерн никогда, потому что к нему его привязывает всё сильнее «каждый новый день», напоминая, что без него Жорж «был бы ничто». Если для Дантеса Натали — источник страданий, то Геккерн — напротив. «Ты источник всех моих удовольствий и душевных волнений».

6 марта Натали уже была принесена в жертву Геккерну. Создается впечатление, что с самого начала описанного в письмах Дантеса «романа» «самому прелестному созданию в Петербурге» автором была отведена роль жертвы. Жертвуя этой фигурой, Дантес выигрывал позицию и «набирал очки». Но чем сильнее «любовь» к этой женщине, тем грандиознее «подвиг» человека, приносящего ее в жертву!

Почему жертву понадобилось принести именно в это время? В письме 6 марта есть одна примечательная фраза, которая многое объясняет. Дантес оправдывается, что не написал письмо Геккерну в тот день, когда отослал прошение к нидерландскому королю. Не сделал Жорж этого потому, что хотел доставить «отцу» удовольствие, но в тот момент еще не был состоянии подавить в себе любовь к Натали. Теперь он окончательно успокоился. В своем прошении на имя Вильгельма I Дантес оказался так же лжив, как и в своих письмах Геккерну.

Как раз в то время, когда Геккерн читал описание «романа» с Пушкиной, хитрая дипломатическая лиса работала не покладая рук, чтобы найти выход из безнадежной ситуации, сложившейся с усыновлением Жоржа. Чтобы преодолеть формальные юридические препоны, Геккерн обратился к амстердамскому адвокату А. Брюхману. Адвокат предложил комбинацию, которая имела такие же юридические последствия, как и официальное усыновление. Геккерн и его «сын» должны были обратиться к королю с прошением, но не об усынов-

лении, а о зачислении французского дворянина Дантеса в нидерландское дворянство и о предоставлении ему права носить имя и герб Ван Геккернов¹³. Для этого нужно было подать королю два прошения: от Дантеса и от Геккерна, подерживающего прошение юноши. Очевидно, Геккерн разъяснил Дантесу, что именно он должен написать в своем прошении. 26 февраля (9 марта) Жорж отослал «отцу» свое прошение. В прошении Дантес указал, что местом его «постоянного проживания» является дом адвоката А. Брюхмана в Амстердаме, в настоящий же момент он находится в резиденции посольства Нидерландов в Петербурге. На самом же деле он там не жил, несмотря на то что Геккерн предлагал ему собственные апартаменты. Дантес сообщил королю, что с разрешения родителей уже несколько лет вверился попечению посла Нидерландов в Петербурге Геккерна, который воспитывал его, заботливо ухаживал за ним, и обращался с ним как с собственным сыном. Жорж указал, что покинул Францию в 1830 г. с твердым намерением никогда в нее не возвращаться. С этого времени, то есть уже 6 лет, местом его постоянного проживания стала посольская резиденция его приемного отца, поэтому проситель полагал возможным считать, что всё это время он находился «под нидерландским покровительством», порвав навсегда с прежним отечеством. Поскольку его приемный отец решил оставить ему в наследство свое имущество и, если это возможно, дать ему свое имя и титул, Дантес просил короля предоставить ему возможность полностью осуществить эти намерения и вместе с имуществом, именем и титулом Геккерна получить подобающие им в Нидерландах привилегии. Дантес подчеркнул, что сам принадлежит к баронскому роду своего прежнего отечества, поэтому имеет достаточно прав носить тот же титул, какой имеет его приемный отец, представитель одного из почтеннейших родов в Нидерландах. Дантес просил короля выдать ему свидетельство об инкорпорации его в нидерландское дворянство с полномочиями называться Жорж Шарль барон ван Геккерн, иметь право носить герб и пользоваться подобающими гербу привилегиями¹⁴.

30 марта (11 апреля) Геккерн подал прошение Вильгельму I. Он просил о милости, имевшей для него «огромную важность» и которую он поставил бы выше всех других милостей, когда-либо полученных от короля. Геккерн писал о том, что дожил до 43 лет, но не имел ни семьи, ни детей. Чтобы восполнить «отсутствие тех близких отношений», кои существует между родителями и детьми, он несколько лет воспитывал с согласия его родных юного барона Дантеса, отпрыска старого дворянского рода. Геккерн в бытность чрезвычайным послом Нидерландов в России заботился о нем как о собственном сыне, когда тот постоянно проживал у него всё это время. Геккерн решил передать Дантесу, которого «длительное время» считает приемным сыном, всё, чем располагает. То есть с разрешения родителей юноши «дать ему и оставить в наследство свое имя и имущество». Самым лучшим способом сделать это было бы

¹³ Черная речка: До и после. С. 37, 65, 102, 119, 123–124, 131, 215.

¹⁴ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 586–587.

усыновление. Все условия такой операции, установленные действующим Сводом законом, налицо, кроме одного: усыновитель еще не достиг 50 лет, как того требует закон. Но подобная операция имеет ряд негативных сторон, которые побуждают Геккерна отказаться от нее. Приемный сын получил бы имя и имущество усыновителя, но, будучи иностранцем, остался бы таковым после усыновления. В таком случае преданное ему имущество перешло бы в руки иностранца и это ни в коей мере не привязало бы усыновленного к отечеству его приемного отца. Усыновление не может дать усыновляемому новое отечество, но Геккерн, будучи нидерландским дворянином и патриотом, стремится именно к этому. В противном случае ему ничто не помешало бы передать свое имущество приемному сыну путем простого завещания, но тогда оно стало бы собственностью француза.

Чтобы устранить эти неблагоприятные последствия усыновления, Геккерн просил короля в ответ на прошение Дантеса не только разрешить передать ему свое имя, но и инкорпорировать его в нидерландское дворянство с принятием имени и титула барона Ван Геккерна, против чего представители этого рода возражений не будут иметь. Поскольку же по конституции Нидерландов принятие в нидерландское дворянство исключает все прочие, имущество Геккерна перейдет не иностранцу, но поданному королевства, нидерландскому дворянину. Геккерн выражал надежду на то, что король впоследствии разрешит ему отступить от положения, согласно которому усыновителю должно быть не менее 50 лет, пока же просит удовлетворить прошение Дантеса инкорпорировать его в нидерландское дворянство на тех условиях, на которых он ходатайствовал об этом¹⁵.

Таким образом, все фактические подтасовки, содержащиеся в прошении Дантеса, Геккерн «прикрыл» патриотическими мотивами в собственном прошении. Очевидно, оба просителя были вполне достойны друг друга. Расчет их строился на том, что за дальним расстоянием будет невозможно в короткий срок проверить достоверность фактических данных, приводимых в обоих документах. Но наиболее уязвимое место в комбинации, выработанной Геккерном и Брюкманом, заключалось в том, что Дантес находился в военной службе российского императора, а этого нидерландскому дворянину без разрешения короля делать не позволялось, и Геккерн об этом не мог не знать.

Но помимо опасений, что подтасовки вскроются, Дантес не мог не бояться того, что сама необычность ситуации, поспешность и настойчивость, с которой Геккерн старался осуществить свой план, наконец, слухи о сексуальной ориентации нидерландского дипломата не позволят реализоваться их общему замыслу. И опасения эти были не напрасны. Министр юстиции Ван Маанен и Высший совет дворянства не спешили дать положительное заключение на оба прошения. Приведенные в них доводы находили неубедительными. Один из членов Совета задался вопросом, какие причины могли заставить

¹⁵ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 584–586.

Геккерн предоставить Дантесу такие привилегии. Намек на гомосексуальные наклонности дипломата был всем понятен¹⁶. Осталось неизвестным, прибегал ли Геккерн к каким-то закулисным ходам, но 2 мая было принято вначале решение натурализовать Дантеса, а потом инкорпорировать в дворянство. На следующий день Геккерн от имени Дантеса подал прошение королю о натурализации¹⁷. 5 мая король своим указом постановил: натурализовать Дантеса, инкорпорировать его в нидерландское дворянство, разрешить ему принять имя Жорж Шарль барон ван Геккерн с правом носить причитающийся этому имени и титулу герб и пользоваться связанными с ними привилегиями. Однако Вильгельм позволил Дантесу, как того и хотел Высший совет дворянства, воспользоваться этой милостью только через год после того, как о ней будет напечатано в Нидерландской государственной газете и других печатных изданиях, издаваемых в провинциях, где живут члены рода Геккернов с сохранением права отменить это решение, если против него будут предъявлены законные возражения¹⁸.

Во время аудиенции у короля Геккерн пробовал настаивать на срочной выдаче Дантесу соответствующего диплома и даже подал об этом ноту. Но Высший совет дворянства и министр юстиции настояли на выдаче временного диплома, который через год должен был быть обменян на настоящий¹⁹.

22 мая 1836 г. на частной аудиенции у Николая I нидерландский посланник Геккерн объявил, что он усыновил поручика кавалергардского полка Жоржа Дантеса и передал ему свое имя и титул. На следующий день об этом была поданы официальные документы. 12 июня царь удовлетворил просьбу Геккерна, а две недели спустя появилось постановление Сената²⁰. С тех пор поручик Кавалергардского полка Егор Георгиевич Дантес, как его называли русские документы, стал именоваться бароном Геккерном.

Между тем никакого «усыновления» в действительности не было и не могло быть. Как ни дерзко это было на самом деле, Геккерн сознательно ввел в заблуждение вначале нидерландского короля, а потом и русского царя. Царю он сообщил, что «официально усыновил» кавалергардского поручика по указу нидерландского короля. Высший совет дворянства признал за ним право носить фамилию, титул и герб Геккерна. Но то, что посланник назвал усыновлением, как мы видели, юридически называлось иначе. «Это усыновление, — писал вюртембергский дипломат Х. фон Гогенлое-Киришберг 23 мая, — стало предметом разговоров в петербургских салонах и послужило основанием для шуток малоприятных для обоих Геккернов». Императрица Александра Федоровна, ранее

¹⁶ Черная речка: До и после. С. 216.

¹⁷ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 594–595.

¹⁸ Там же. С. 595–596.

¹⁹ Там же. С. 596–598.

²⁰ Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его. 1831–1837. СПб., 1900. С. 62–63.

симпатизирующая Дантесу, с этого времени стала называть его «новорожденным» или «безымянным», употребляя это выражение с оттенком иронии²¹.

Геккерн, который пытался предвидеть всё, не мог не знать о том, что говорят в свете по поводу его самого и его «новорожденного» «сына». Нейтрализовать все эти разговоры можно было только одним путем. Жорж должен был жениться или, по крайней мере, продемонстрировать свое желание — это сделать и тем самым закрыть рот всем любителям позлословить. Дело о «браке» должно было быть достаточно громким, чтобы произвести еще больший шум, который заглушил бы все языки, судачившие о странном «усыновлении».

Дантес прекрасно понимал, что он должен был хотеть, но в то же время не мочь жениться. Как же это было возможно? Очень просто: женщина, руки которой он настойчиво, но в то же время тщетно добивался бы, должна быть замужней дамой. Вот начало того демонстративно выставляемого на глаза публике «романа» с первой светской красавицей Н. Н. Пушкиной. Он начался в августе 1836 г. и, к удивлению недогадливого света, носил столь афишированный характер, что не могло не породить сомнения в том, что «сын» Геккерна действительно добивается любви первой петербургской красавицы, а не гонится только за внешними эффектами²². В противном случае — если бы он только желал соблазнить замужнюю женщину, он, несомненно, действовал бы иначе. Но «играл» Дантес не только для светских сплетников. Ему было необходимо на глазах приемного «отца» претворить в жизнь выдуманный им в письмах «роман» с Пушкиной и тем самым оправдать то, как он буквально вынудил Геккерна посредством этой несуществующей любви пуститься во все тяжкие и пойти на обман Нидерландского короля и российского императора. Вот это и была «тайна Дантеса». Трагическим итогом этого «спектакля» стала Черная речка²³.

References

- Gershtejn E. G. Vokrug gibeli Pushkina (Po novym materialam) // Novyj mir. 1961. № 2.*
Grossman L. P. Ceh pera. M., 1930.
Nikol'skij B. N. Poslednyj dujel' Pushkina. SPb., 1901.
Obodovskaja I. M., Demen'tiev M. A. Vokrug Pushkina. M., 1975.
Obodovskaja I. M., Demen'tiev M. A. Posle smerti Pushkina. M., 1980.
Pushkin v vospominanih sovremennikov. M., 1974. T. 2.

²¹ *Теребенина П. Е.* Записки о Пушкине, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин: исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1958. С. 260–265; *Щеголев П. Е.* Указ. соч. С. 584–586.

²² Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 142, 320; *Гроссман Л. П.* Цех пера. М., 1930. С. 267; *Герштейн Э. Г.* Вокруг гибели Пушкина (По новым материалам) // Новый мир. 1962. № 2. С. 213; *Старк В. П.* К истории дуэли А. С. Пушкина по дневнику гр. В. Н. и Н. П. Паниных // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28. СПб., 2002. С. 27–28.

²³ См. подробно: *Сафонов М. М.* Пушкины в переписке Геккерна и Дантеса: мифы и реальность // Россия и Нидерланды в XVII–XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы. М., 2014. С. 255–287.

Pushkin. Dokumenty Gosudarstvennogo i S.-Peterburgskogo Glavnogo arhivov Ministerstva inostrannyh del. 1831–1837. SPb., 1900.

Safonov M.M. Pushkiny v perepiske Gekkerne i Dantes: mify i real'nost' // *Rossia i Niderlandy v XVII–XX vv.: novye issledovaniq i aktual'nye problemy.* M., 2014. S. 255–287.

Stark V.P. K istorii dujeli A.S. Pushkina po dnevniki gr. V. N. i N.P. Paninyh // *Vremennik pushkinskoj komissii.* Vyp. 28. SPb., 2002.

Stark V.P. Pis'ma Gorga Dantesa baronu Gekkeru // *Zvezda.* 1995. № 9.

Тайна Дантеса или Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Е. М. Емельяновой. М., 2013.

Terebenina P.E. Zapiski o Pushkine, Glinke, Lermontove i drugih pisatelqh v dnevnike P. D. Durnovo // *Pushkin: Issledovaniq i materialy.* L., 1958. T. VIII.

Тшернаг речка: До и после. К истории дужели Пушкина. Pis'ma Dantesa. SPb., 2000.

Wegolev P.E. Dujel' i smert' Pushkina. S prilogeniem novyh materialov iz niderlandskih arhivov. SPb., 1999.

Vitale S. Le bouton de Pouchkine / Trad. de l'ital. par J. Michaut-Paterno. Paris, 1998.

Vitale S. Il battone di Puškin. Milano, 1995.

Vitale S. Pugovitca Pushkina / Per. s angl. Kaliningrad, 2001.

Список литературы

Витале С. Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Калининград, 2001.

Герштейн Э.Г. Вокруг гибели Пушкина (По новым материалам) // *Новый мир.* 1962. № 2.

Гроссман Л.П. Цех пера. М., 1930.

Никольский Б.Н. Последняя дуэль Пушкина. СПб., 1901.

Ободовская И.М., Дементьев М.А. Вокруг Пушкина. М., 1975.

Ободовская И.М., Дементьев М.А. После смерти Пушкина. М., 1980.

Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2.

Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его. 1831–1837. СПб., 1900.

Сафонов М.М. Пушкины в переписке Геккерне и Дантеса: мифы и реальность // *Россия и Нидерланды в XVII–XX vv.: новые исследования и актуальные проблемы.* М., 2014. С. 255–287.

Stark V.P. K istorii dueli A.S. Pushkina po dnevniki gr. V. N. i N.P. Paninyh // *Vremennik Pushkinskoj komissii.* Vyp. 28. SPb., 2002. С. 27–28.

Stark V.P. Pисьма Жоржа Дантеса барону Геккеру // *Звезда.* 1995. № 9.

Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Е. М. Емельяновой. М., 2013.

Terebenina P.E. Zapiski o Pushkine, Glinke, Lermontove i drugih pisatelqh v dnevnike P. D. Durnovo // *Pushkin: Issledovaniq i materialy.* L., 1958. T. VIII.

Черная речка: До и после. К истории дуэли Пушкина. Pисьма Дантеса. СПб., 2000.

Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999.